

НОМЕР
ОДИННАДЦАТЬ

АШМАНОВ С.С.

Сергей Сергеевич Ашманов

Номер одиннадцать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70113178

SelfPub; 2023

Аннотация

Внук австрийского психотерапевта Берндта Лемана находит на чердаке его вещи. Среди них молодому человеку попадают старые магнитофонные записи сеансов, проведенных в Швейцарской психиатрической лечебнице. Прослушав записи с кассет, пораженный услышанным, он решает собрать воедино работу своего деда. Из этой работы и состоит повесть.

Сергей Ашманов

Номер одиннадцать

Номер одиннадцать

В 2013 году умер мой дед – Берндт Леман. В 2014 году, ровно через год после его кончины, я разобрал чердак от накопленного барахла и обнаружил старый кожаный саквояж. На нем были инициалы моего деда. Внутри лежали старые, пожелтевшие от времени бумаги, а также кассетный диктофон Protona Minifon Attaché с несколькими коробками диктофонных кассет Grundig. Поначалу я хотел продать все эти вещи, но жена отговорила меня и предложила послушать записи с пленок ради интереса. Зная, что мой дед был в свои годы замечательным психотерапевтом и работал во многих лечебницах Германии, я принял это забавное предложение.

Прослушав все записи, я был поражен тем, что услышал. Я также прочел все бумаги, которые нашел в саквояже. Моя жизнь никогда не будет прежней. Я перестал воспринимать ее и созерцать так, как раньше. Представляю вашему вниманию собранную воедино «работу» моего деда.

Дневник Берндта Лемана

Данные, прочитанные вами здесь, являются копией моих

личных дневников с 1978 по 1979гг, а также звукозаписей. В них я веду медицинские отчеты касательно пациента «№11». Все документы по этому делу были засекречены спецслужбами Швейцарии. Прошло уже много лет, и информации о психиатрической лечебнице N, а уж тем более о ее руководстве и пациентах, вы нигде не найдете.

Все отчеты переписаны мной от руки. Недостающие фрагменты переписал по памяти. Повествование буду вести в простой форме, дабы работа выглядела красочнее. Мне кажется, это понравилось бы моему другу – пациенту N11, который не любил инструкции и общепринятые нормы.

Причиной моего желания опубликовать записи стали полная уверенность и осознание правдивости услышанных от пациента №11 слов. Мне понадобилось много лет и в то же время доля секунды, чтобы понять их. Жаль, что я не сделал этого раньше, когда еще был в здравии. А впрочем, всему свое время.

Отчет 1

29 ноября 1978 года. Я прибыл в лечебницу N. Она не выглядела как те, в которых я работал раньше. Мрачное каменное сооружение с башнями и открытой внутренней галереей напомнило мне произведение Верна – «Замок в Карпатах».

Здание стояло на отшибе далеко за городом, и добраться до него мне стоило больших усилий. Один из таксистов

наотрез отказался вести меня к лечебнице, а на мой вопрос «почему» он отрицательно кивнул головой и быстро уехал.

Я постучал в огромную темно-зеленую дверь. Добрая молоденькая медсестра впустила меня и сказала куда идти. Внутри было тихо. Поднявшись по лестнице, я прошел по длинному коридору прямиком к кабинету профессора. Он встретил меня слишком лестно, на мой взгляд, расхваливая меня и подбадривая. Затем он провел экскурсию по лечебнице и показал мой кабинет.

Честно говоря, подобного я нигде не видел: всего в клинике содержались одиннадцать пациентов, каждый из которых имел свои личные апартаменты, за исключением буйных – им полагалась отдельная просторная комната с мягкими стенами и решетками на окнах. Все имели индивидуальный подход и лечащего врача. Все, кроме одного, содержались в лечебнице не по своей воле. У каждого из 11 пациентов были крайне редкие и до конца не изученные патологии. Приведу несколько примеров.

Когда мы зашли в комнату пациента №3, он стоял на четвереньках и совершал динамичные движения челюстью, словно пережевывая невидимую траву. Взгляд его был приглушен, но он сразу заметил нас и как ни в чем не бывало продолжил поедать несуществующую пищу.

– Боантропия, – произнес профессор.

Я уже читал о подобном заболевании, однако все равно был удивлен, поскольку ранее не имел возможности явно на-

блюдать пациентов с этим расстройством из-за его редкости. При этой болезни человек представляет себя коровой или быком. Принц Буйидов Маджд ад-Даула заблуждался, что он корова, издавал звуки коровы и просил, чтобы его убили, чтобы можно было съесть его плоть. Причин этого заболевания немного. Я бы предположил, что у пациента №3 поздняя стадия сифилиса, что вызывает общий парез и порфирию. Мнение профессора такого: «Полная регрессивная дегенерация». Впрочем, мы сошлись во мнении, что не все в этом случае просто.

Пациент №5 страдал шизофренией, одним из симптомов которой послужил синдром Капгра. Он утверждал, что его брат не настоящий, а двойник. Что он отправил его лечиться сюда, чтобы завладеть имуществом семьи. Более того, на прошлой неделе пациент заявил, что его лечащий врач также двойник и пришел украсть его душу.

Пациент №6 помимо основного заболевания – параноидная шизофрения, имел несколько фобий. Он боялся геометрических фигур красного цвета, а также смычка скрипки и звука катящегося шара. Это был единственный больной, содержащийся в маленькой комнате. Кроме всего прочего, до поступления на лечение в эту больницу, он совершил несколько убийств, и здесь за ним осуществлялся круглосуточный надзор.

Другие пациенты были относительно спокойны и не проявляли признаков агрессии ни по отношению к себе, ни по

отношению к персоналу лечебницы.

Заметка: пациенты никогда не видели друг друга и не общались между собой. Для удовлетворения социальных потребностей – общения – применяется диалог пациент-врач.

Мы обошли многих больных, и каждый из них, точнее говоря, диагноз каждого из них, привел меня, как врача, в замешательство и в то же время в восторг.

Профессор пригласил меня к себе в кабинет. Усевшись в кресло, он заверил меня в том, что его работа здесь уникальна. Каждый из пациентов уникален, в частности их патологии. Затем он сказал кое-что, приведшее меня в какое-то волнительное состояние, беспокойство и тревогу. Он сказал: «Меня не беспокоят пациенты, ибо их диагнозы мне ясны, кроме одного. Вы можете смеяться или говорить об отсутствии в моей работе профессионализма, но я говорю вам как врач врачу, пациент N11 другой. Он не поддается диагностике». Разумеется, услышав такое в клинике, где я работал, несомненно посмеялся бы. Однако, когда я увидел, какие пациенты содержатся здесь – в лечебнице N, – мне стало крайне любопытно, что это за пациент такой, который не поддается диагностике.

На мои вопросы профессор отвечал уклончиво и неопределенно. Казалось, будто он что-то скрывает. Когда я спросил его, где они нашли его, то он ответил, что больной пришел сам. Еще один интересный и загадочный факт: никто и никогда не слышал об этом человеке, а его имя «не опре-

делено». По словам профессора, придя в лечебницу, пациент назвался Джеком Портером и заявил, что страдает шизофренией неясного характера. Пациент и впрямь странно вел себя, хотя и не был опасен: он мог часами смотреть перед собой, совершенно не двигаясь. Впечатлило и то, что он вообще не производил движения век. Он был немногословен, не читал книг, не слушал радио, а просто сидел или лежал в тишине, будто это его стихия, в которой он прожил всю жизнь. Пытаясь изучить его патологию, профессор каждый раз натывался на какие-то странности.

Пациент N11 не отвечал на его стандартные вопросы. Наоборот, он сам их задавал врачам и медсестрам. Вопросы эти были разного содержания: из истории, химии, физики, биологии... В основном, голые факты и ничего более. Профессор зачитал мне парочку из них: «Вы знаете, что муравьи-листорезы кормят растениями грибы, чтобы те отдавали им свои ферменты, которыми муравьи кормятся?»; «Профессор, вы знали, что у китов нет ушей? Они слышат нижней челюстью».

– Мое число 14, – сказал профессор.

Я спросил его, что это означает, а он ответил мне, что каждый новый человек, с которым знакомится пациент N11, говорит ему определенную цифру. Что означают эти числа, никто не знает. Однако, он понадеялся, что я смогу разгадать эту загадку.

Пациента N11 разместили на втором этаже, в простор-

ной комнате с камином. Это было личной просьбой пациента. Через 14 дней после прибытия в лечебницу он попросил перевести его именно в эту комнату, не объясняя причины такого решения. Вы спросите: «Почему в лечебнице N такое отношение к пациентам, что им все дозволено?». Нет. Им дозволено не все, и лишь некоторые имеют возможность пользоваться щедростью и добротой работников лечебницы, если это поспособствует скорейшему выздоровлению.

Поскольку пациент N11 не представлял угрозы, перевод его в комнату с камином был разрешен.

– Когда вы могли бы приступить к работе? – спросил меня профессор.

– Если вы не возражаете, то я хотел бы приступить завтра. Сегодня я подготовлюсь ко встрече с пациентом.

– Что ж, пожалуйста. Но поверьте мне, к такому вы не сможете подготовиться.

Отчет 2

Всю ночь я плохо спал и слышал крики сумасшедших и голоса у двери. Я уверил себя в том, что голоса эти всего лишь плод моих кошмаров и поутру совершенно забыл о них.

Пришлось достать из чемодана свой самый лучший костюм, который подарила мне моя супруга. Он действительно был великолепен, впрочем, в некоторых местах, особенно в области талии, доставлял дискомфорт. Пожалуй, пора пере-

стать есть мучное на ночь.

В качестве наказания за свое чревоугодие, я не пошел на завтрак и сразу направился к пациенту N11. Мне сказали, что он просыпается рано и тоже не завтракает.

В кабинете было много места из-за высоты потолков и огромных окон, через которые свет заполнял зал. Все выглядело довольно дорого и канонично.

«Интересно, – подумал я тогда, – кому раньше принадлежал этот замок и все эти апартаменты?».

Пациент сидел в кресле возле камина, по-видимому, наслаждаясь движением языков пламени.

– Доброе утро, господин... Портер, верно? – уточнил я. Обычно, такая уловка, если ее можно так назвать, всегда способствовала немедленному диалогу. Однако на мое приветствие последовало молчание. Больной даже не тронулся с места. Он напомнил мне бездушную куклу. Это омрачало мое сознание. – Прошу прощения, вы не будете возражать, если я присяду? – ответа не было. Тогда я сел рядом с ним в такое же кресло, уложив свои бумаги и диктофон на столик между креслами. – Меня зовут Берндт Леман, я ваш новый лечащий врач. Как вы себя чувствуете? Могу ли я задать вам несколько вопросов? – я задавал ему стандартные вопросы, которые обычно задаю пациентам, страдающим психическими расстройствами. Но больной даже не смотрел на меня, он не выражал абсолютно никаких эмоций. Мимика его лица умерла под властью незыблемости потока его сознания. По-

хоже, что человек этот пребывал в глубоком медитативном состоянии.

Я помнил, что профессор говорил о том, что он обожает факты. Тогда я решил рискнуть и пойти от обратного. Смысл моей идеи состоял в том, чтобы намеренно исказить какой-то факт, сделать ошибку, чтобы оппонент рефлекторно поправил меня. Я не знал, сработает ли это.

– Кстати говоря, сегодня в столовой давали арахисовую пасту. Она великолепна, скажу я вам. Было бы неплохо вырастить у себя на участке такой орех. Вы со мной не согласны? – на самом деле, арахис не является орехом, а относится к бобовым.

Так или иначе, я зря старался, мой молчаливый друг не проявил никакой активности. Тогда, не взирая на его молчание, я начал писать отчет. В какой-то момент я почувствовал на себе чей-то взгляд и сильно испугался, когда поднял голову и увидел, что это пациент смотрит на меня прямым холодным взглядом.

Неожиданно он произнес:

– Пятнадцать.

– Оу. Пятнадцать? Прошу вас, растолкуйте мне, что означает это число?

И он снова повторил:

– Пятнадцать.

– Мне сорок, но уж точно не пятнадцать. Да и время сейчас раннее. Может, вы имели в виду..., – я не успел закон-

чить, и больной отвернулся от меня, хотя его голова была повернута в мою сторону, он избегал зрительного контакта. Похоже, я вовсе не представляю интереса для него.

– Вы верите в привидения? – спросил он мягким, каким-то другим голосом.

– Я католик, если вы об этом. Вообще, природа этого явления мне недостаточно ясна, но интересна. А что вы скажете на это? Вы сами верите в призраков?

– Я боюсь их, – ответил он, не глядя на меня. – Иногда мне очень страшно, когда они приходят ко мне. Все шепчут мне на ухо, а я ведь не люблю, когда это случается. Они дразнят меня.

– А что они шепчут вам? – поддерживал я беседу.

– Говорят всякие гадости. Они щекотят мне ноги и разговаривают между собой о том, как бы поскорее уйти отсюда. Но они не смогут.

– Почему это?

– Кто здесь умер, тот не уходит отсюда. Они на веки вечные остаются в заточении. Вам бывает страшно? – спросил он меня как-то странно и, задрав ноги на кресло, обхватил их руками, словно спрятался от кого-то.

– Да, мне бывает страшно, но любой страх можно побороть.

– Вы все врете. Как это побороть страх? – он говорил словно ребенок, будто я разговариваю не со взрослым мужчиной, а с пятилетним юнцом. Конечно, я тут же законспектировал

это наблюдение.

– Когда я был маленьким, то очень сильно боялся лягушек, потому что однажды ночью упал в болото, а их там были тысячи. Я испугался, и после этого мне снились кошмары. Но однажды моя няня поймала для меня лягушку и сказала мне ухаживать за ней, иначе она умрет, потому что такая же живая, как и я. Она убедила меня в том, что лягушка не причинит мне вреда. Так я поборол свой страх.

– Вы хотите сказать, что мне нужно подружиться с призраками? Глупости какие. Они же смеются надо мной. Мне такие друзья не к чему.

Мне стало не по себе, меня хватил озноб.

– Вы ведь их чувствуете? – загадочно спросил он, прищурив глаза.

– Нет, друг мой, не чувствую, – однако в комнате резко похолодало. – Это сквозняк, – отмахнулся я.

Я задал еще несколько вопросов, на которые пациент N11 с легкостью ответил мне. Чтобы проверить теорию о том, что передо мной не взрослый человек, а мальчик, я спросил его:

– Как тебя зовут?

– Говард.

– Скажи мне, Говард, сколько тебе лет?

Он показал мне на пальцах – семь.

– Откуда ты родом?

– С Аляски.

– Как ты попал сюда?

– Вы задаете мне слишком много вопросов, сэр.

– Прости. Последний вопрос. Можно?

Он одобритительно кивнул.

– Ты слышишь голоса у себя в голове?

– Нет, – спокойной ответил тот.

После сеанса я последовал напрямиком в кабинет профессора. Он, видимо, уже ждал меня, поскольку сходу сказал мне:

– Я знаю, что вы думаете.

– И что же?

– Диссоциативное расстройство идентичности?

– Да. Именно так я и думаю, – удивился я. – Но если вы знаете диагноз, то зачем позвали меня?

– О, нет, доктор, – посмеивался старик, – поначалу я думал также. С кем вы разговаривали? С Эндрю? Говардом? Еленой?

– С Говардом.

– Вам не показалось странным, что мальчик видит несуществующие вещи?

– Да, в некотором роде, это смутило меня.

– Как и меня. Что бы это могло быть? У вас есть предположения?

– Возможно, это из-за возраста. В 7 лет воображение ребенка сильно развито. Ему просто кажется.

– Нет-нет, доктор. Это более серьезная проблема. Я думаю, если позволите, у личности по имени Говард развива-

ется шизофрения.

– Бросьте, профессор. Разве такое возможно, чтобы у одной из личности, наличие которой само по себе является психическим расстройством, был еще один недуг такого же рода?

– Ну уж не нам судить, что может быть, а что не может. Раздвоение личности, так сказать, недостаточно изученная патология. Эта болезнь в нашей практике новая и может быть крайне опасной для пациента.

– Вы не боитесь, что одна из личностей пациента N11 разгромит свои апартаменты или еще хуже причинит вред себе или кому-то еще?

– Не волнуйтесь, доктор, все личности пациента стабильны и дружелюбны.

– Сколько всего личностей? Вы уже определили, кто основная из них? Они знают о том, что есть другие?

– Пока их только пять. Как вы знаете, их количество может увеличиваться в зависимости от состояния пациента. Но пока их всего пятеро. Основная личность не определена. Я думаю, что основной является Портер, ведь он пришел к нам лечиться. Хоть это и слабый аргумент, но за неимением других, будем считать так. К сожалению, господин Портер редко выходит наружу. Чаще всего я разговариваю с Еленой и Говордом. Эндрю не общителен, но в шахматы играет безупречно.

– А что за Елена?

– Это маленькая девочка. Ей 7 лет, как Говарду. Но почему-то они не знакомы друг с другом. Девочка из кантона Фрибур, она здесь, чтобы найти свою собачку Лори. Это серый пудель с розовым бантом на голове. Конечно, никакого пуделя нет, она его просто выдумала, либо так проявляется шизофрения. Смешная она. Все время говорит, не останавливаясь. Кстати, очень интересно, что у каждой личности свой тембр голоса. Конечно, Елена не разговаривает как семилетняя девочка, но голос очень высокий, отчего мне бывает не по себе. У нее синдром Туретта и, предполагаю, шизофрения.

– А Эндрю тоже болен?

– И он тоже. Синдром Аспергера.

– Невероятно.

– Поверьте мне, я даже лечение не могу назначить. Потому что не знаю, что именно мне нужно лечить. Это, знаете ли, выводит из себя, и я очень хочу узнать, что с этим пациентом не так, кроме того, что с ним всё не так.

– А кто пятый?

– Я не знаю его имени. Для меня это пациент N11.

– Чем болен он?

– А он не болен. Да, он странный, молчит, не отвечает на мои вопросы, бросается сухими фактами, но сам по себе здоров. У него нет никаких отклонений, кроме того, что в голове у него сидят еще четыре человека.

– Часто он выходит на свет?

– Часто. Почти всегда, потому-то я и перестал навещать его, обратился к вам за помощью.

– Почему вы мне сразу не рассказали обо всем этом?

– Решил, что вам будет интересно узнать все самому.

Отчет 3

После обеда я прилег отдохнуть в своей комнате. Мне снился странный сон, где пациент N11 показывал мне цветочный сад. Там были лилии, розы, тюльпаны, пионы. Он указал мне на один из них. Я взял его в руки, и бутон распустился, точно по волшебству. Внутри я нашел каплю, которую выпил по указанию пациента N11. Капля оказалась соленой на вкус. Я спросил: «Что это?». Но тот лишь улыбнулся и показал мне на водопад, текущий с серых скал. Там, на самом верху, я увидел белоголового орлана, парящего над пропастью. Тогда, объяснив немому собеседнику, что я не понимаю, о чем он толкует, и что от меня хочет, направился в лес. Повсюду в лесу рос папоротник, постоянно цепляющийся за мою одежду, пока я пробирался сквозь его заросли. Наконец я достиг поляны, на которой лежали 9 камней одного размера, образуя круг. Очутившись внутри него, пациент N11 дал мне в руки точно такой же камень и показал место, куда я должен положить его. Неожиданно земля задрожала, и кусок земли, на котором я стоял, устремился вверх, унося меня к небу. Достигнув неба, солнце ослепило меня, и я

проснулся. Мне было тепло и уютно. Давно мне не снились подобные сны.

Когда я вышел из комнаты, оказалось, что уже прошел день и ночь. Я проспал 19 часов.

Накинув пиджак, я поспешил к своему пациенту. Он сидел все в той же позе, как и вчера. Тогда я подумал: «о нет, он снова не заговорит со мной».

Я сел на то же кресло и включил диктофон. Сегодня мне не хотелось задавать стандартных вопросов. И я долго рассуждал над тем, какой вопрос задать, и совсем забыв о манерах, не поздоровался с пациентом.

– Здравствуйте, – сказал пациент N11.

– Здравствуйте.

– В тот раз вы поздоровались со мной. А сегодня нет. Почему?

Я был в замешательстве.

– Прошу прощения. Сегодня я слишком рассеян.

– Вы не похожи на других докторов, – заявил пациент.

– Даже не знаю, как это принять, как оскорбление или как комплимент, – пошутил я.

– Другие со мной не здороваются.

– Правда? Почему?

– Думаю, об этом стоит спросить их.

– Скажите, вчера вы не разговаривали со мной. С чем это связано?

– В чем толк в словах, не имеющих сути?

– Как это понимать?

– Я хочу, чтобы вы помогли мне в одном деле. – Пациент сидел смиренно, продолжая смотреть прямо перед собой. Лицо его также не было обременено эмоциями.

– В каком же?

– Все вокруг сон: эти поленья в камине; картина, что висит над ним; свет, источаемый огнем... Если разбить чашу, она уже не будет прежней. Когда солнце заходит за горизонт, наступает тьма. Разве это не сон? А если все сон, то как проснуться нам? Что определяет нас как существ, наполненных живой энергией?

– Простите, но вы говорите сложные вещи, значение которых мне непонятно.

– Скажите, господин Леман, вы чувствуете, как течет время?

– Да, иногда я чувствую, как оно течет. Особенно, когда много работаю, день проносится незаметно.

– Нет. Вы чувствуете время? – снова спросил он, а я уже и не знаю, что ему ответить. Нужно было что-то предпринять и я не нашел ничего более верного, чем закрыть глаза и представить, как течет время.

– Вы должны не представить, а почувствовать, – сказал пациент, словно читая мои мысли.

И правда, когда я сосредоточился, то почувствовал какое-то непонятное явление, ранее мной не замечаемое. Мне казалось, что все вокруг наполнено каким-то веществом.

– Да, – сказал больной. – Теперь вы чувствуете. – Я открыл глаза и не обнаружил пациента перед собой. Он стоял у окна.

Я подошел и встал рядом с ним. Вдруг я увидел, как возле фонтана во дворе бегают чертов пудель с розовым бантом.

От неожиданности я застыл и таращился на животное, усевшееся перед моими глазами. «Это же тот самый пудель. Пудель, которого ищет Елена».

– Доктор, отгадайте загадку, – неожиданно произнес пациент. – Что есть порядок? Антоним мой! Я есть материя, пространство – вот облик мой иной. Я – беспорядок в голове и в доме, я в разном виде, кроме... А, впрочем, нет иной среды, лишь та приятна для меня, где есть смешенье... суэта, сумбур, сумятица, бедлам – вот истинный мой идол, храм.

– И что это?

– Подумайте, а завтра дадите свой ответ. Кстати говоря, вы знали, что у кальмаров три сердца?

– Неужели? – переспросил я, совершенно прослушав указанный факт. Отвлеченный словами пациента, я проморгал пуделя, но готов был поклясться, что видел его.

– Вы знаете, это странно..., – начал я, но замолчал, когда посмотрел на пациента. Его лицо было другим, поскольку выражало боль и страдание. – Что с вами?

– Кто вы? – спросил меня он другим голосом. Тут я понял, что передо мной другая личность.

– Как вас зовут?

– Елена.

- А меня зовут господин Леман, я твой новый врач.
- Вы не видели моего пуделя? – спросила девочка.
- Видел! Конечно видел, – сразу ответил я.
- Где же вы его видели, господин Леман?
- Да вот же, здесь, прямо под окнами.
- Почему же вы его не поймали?
- Он так быстро бегает, что я не успел, – выкрутился я.
- Вы найдете его, господин Леман? – забеспокоилась Елена.

– Д...да. Найду, конечно, – ответил я и выбежал из комнаты, чтобы найти собаку.

Пока я бежал, то думал: если пудель действительно существует (ведь я его видел), значит, у девочки нет шизофрении. Но как пудель попал на территорию лечебницы, и почему кроме меня его никто не видел?

Я добежал до ворот и обратно, прочесал задний двор и сад. Пудель словно испарился. «Скорее всего, он забрался в какую-нибудь нору и сидит там, ждет, пока погоня стихнет», – говорил я себе.

Вернувшись обратно, я застал пациента N11 за приемом пищи и, чтобы не мешать, пошел к себе в кабинет, забрав с собой диктофон и записи.

Прослушав запись несколько раз, я нашел интересное совпадение. Пациент N11 говорил про кальмаров, и я вспомнил, что перед поездкой в лечебницу, моя жена приготовила на ужин кальмаров. Мы никогда их не пробовали и в честь мо-

его отъезда решили попробовать. «Конечно, это совпадение, чем же еще это может быть?».

А еще эта загадка очень интересная, и, кажется, я отгадал ее.

В этот день я больше не посещал пациента N11, и весь день проработал с записями и конспектом. К вечеру я совсем изнемогал от усталости и лег пораньше. Посреди ночи в коридоре поднялся шум. Пришлось встать и проверить, что там творилось. Пациент N6 с шизофренией покинул этот мир. Когда я вошел к нему в палату, где уже присутствовали профессор и другие врачи и медсестры, то обнаружил тело больного на полу.

– Это N6, – обратился ко мне профессор. – Он умер от инфаркта. Медсестра нашла его таким. – У больного на лице застыла гримаса ужаса.

– Что его могло так напугать? – поинтересовался я.

– Посмотрите туда и все поймете, – сказал профессор, указывая на пол. В углу маленькой комнаты лежал красный шар.

– Как он здесь оказался?

– Не знаю. Но я не думаю, что это дело рук врачей или персонала. Ключи от двери только у меня и его лечащего врача.

– А кто его лечащий врач?

– Он в отпуске. Далек отсюда. Я временно вместо него.

– Пациент перед смертью говорил вам что-нибудь? Что последнее вы помните?

– Да, он в последние дни вел себя странно. Сегодня, когда мы виделись, он сказал мне, что видит призраков. Но все это чушь, разумеется. Это очередной плод его разыгравшегося воображения, что вызвало лишь тревогу. Доктор Леман, мы имеем дело с убийством. Осталось выяснить, как шар попал в комнату, и кто его подложил. Полиция будет завтра утром, погода неладная. Прошу вас, ложитесь спать. И все вы, – обратился он к остальным, – здесь больше не на что смотреть. Расходитесь.

После такого заснуть оказалось непростым делом. Утром приехали люди в форме и долго вели беседу с профессором. Они также опрашивали других врачей и медсестер, но так ничего и не выяснили.

По обычаю, я снова посетил пациента N11.

– Здравствуйте, – поприветствовал я больного. По обыкновению своему, он сидел в своем кресле и разглядывал огонь.

– Здравствуйте, доктор Леман. Вы отгадали мою загадку?

– Мне кажется, это хаос?

– Браво, доктор, вы правы.

– Могу я задать вам несколько вопросов? – спросил я в надежде, что пациент согласится на стандартные тесты.

– Если они не будут слишком скучными, – ответил он.

Я достал свой блокнот и задал простые типовые вопросы из теста для определения диагноза. По правилам, так положено делать со всеми пациентами, страдающими шизофре-

нией. Спустя полчаса пациент встал с кресла и впервые за все время посмотрел мне в глаза. Он сказал:

– Меня сейчас стошнит.

– Что не так, больной?

– Ваши вопросы. Они ужасны. Задавая их, вы никогда не дойдете до истины.

Несмотря на то, что слова пациента выражали негодование и возмущение, лицо его по-прежнему скрывало это. Тон его голоса также был спокоен. Единственное, что выдавало серьезность его слов, этот жест, когда он встал со своего места и посмотрел прямо в глаза. У большинства приматов, в частности у человекообразных обезьян, это является прямым выражением агрессии и недовольства.

– Что ж, хорошо. Давайте тогда я отвечу на ваши вопросы, если они у вас есть.

Пациент сел на свое место и молчал несколько минут, пока я делал заметки в блокноте, а потом сказал:

– Все есть вибрация.

– Что простите?

– «Знай же: идет от начал всеобщее это блужданье. Первоначала вещей сначала движутся сами, следом за ними тела из малейшего их сочетанья, близкие по силам к началам первичным».

– Ого. Кто это сказал?

– Тит Лукреций.

– Что он имел в виду?

– Он говорит о частицах – атомах. Это явление вы называете «броуновское движение». – «Почему он сказал «вы»?» – задался я вопросом и записал в блокнот это наблюдение.

– Ах, да. Разумеется, знаю. Альберт Эйнштейн вывел целую теорию на этот счет.

– Вы помните, в чем смысл?

– Конечно. Частицы хаотично движутся, и все такое...

Честно сказать, я не был силен в физике и потому ответил опрометчиво.

– А почему они движутся?

– Почему?

– Почему? – настаивал пациент.

– Из-за того, что сталкиваются друг с другом?

– Вы правы, но кто изначально их «толкнул»? По какой причине они начали движение?

– Простите, но это сложный вопрос, и я не могу на него ответить. Может быть, вы просветите меня?

– Когда-нибудь вы поймете, – мне показалось больной расстроился, но я не мог считать это по его мимике и жестам.

Прошел час в молчании, и я решил, что сеанс стоит закончить, но перед моим уходом пациент N11 сказал, что у него есть еще одна загадка для меня:

– Я есть течение, меня нельзя остановить. Забыть, назад вернуть, предопределить мой путь. Я как песок сквозь пальцы сыплюсь, и как воды поток я мчусь, мой символ стрелка, с вещами я борюсь... Что камень мне, что человек, я уни-

чтожу всё вовек.

– Кажется, это сложнее предыдущей.

Пациент промолчал, а я вышел на обед. В горле пересохло. В столовой мне повстречался профессор, и я расспросил его о деле относительно пациента №6. Он заверил меня в скорейшем разрешении данного вопроса, но никак не конкретизировал эту установку. В свою очередь, он спросил меня о больном, и как продвигаются успехи в лечении. Я ответил, что все хорошо, хотя сам не считал так. Честно говоря, я уже начинал сходить с ума. Перед тем, как войти в столовую, я снова увидел за окном пуделя. Он смотрел на меня черными, как бусины, глазами. Но стоило мне моргнуть, как собака исчезла.

– Вы здесь не встречали пуделя? – неожиданно спросил я профессора.

– Хорошая шутка, доктор Леман. Очень профессионально.

– Нет-нет. Я готов поклясться, что пять минут назад видел собаку за окном.

Я не стал говорить, что видел ее и вчера, чтобы он не подумал, будто у меня бред.

– Вы бредите, доктор. И я понимаю вас. После общения с №11 становишься выжат как лимон, хотя больной почти всегда молчит и несет всякий бред.

– А Вы пытались понять, о чем он толкует?

– Конечно, но разве его поймешь? Он, как змея, душит

своим поведением.

– Что означают его загадки?

– Какие загадки?

– Разве он не задавал вам загадок?

– Ха-ха-ха, – рассмеялся профессор, да так, что его усы шевелились вместе с его животом. – А вы неплохой комик, доктор Леман. Если у Вас возникнут какие-то вопросы, прошу Вас к себе. Мне будут интересны Ваши гипотезы.

После этого случая я понял, что профессор не так увлечен своими пациентами, как изначально мне показалось. Да и вообще, похоже, что его это вовсе не волнует. Но одно ясно точно, что он не убийца.

Вечер снова прошел в непрерывной работе. Интересная загадка, между прочим. Кажется, я знаю ответ.

Ночью мне почудилось, что я видел очертания человека, стоящего над моей кроватью, но, включив свет, никого не обнаружил. Этот фантом моей фантазии сильно испугал меня. Но мы, врачи-психиатры, крепкие ребята. Однако, шепот, доносящийся за дверью, настораживал. Несколько раз я вставал с постели и открывал дверь, но там никого не было.

Утром я застал пациента N11 сидящим на полу. Он напевал какую-то песенку.

– Доброе утро.

– А, это вы, доктор Леман? – голос был мне знаком.

– Елена, как твои дела?

– Плохо, доктор. Вы ведь не нашли мою собаку?

– Прости, но пока не нашел. Но я видел ее вчера за окном.

– Вы ее поймаете? Она у меня шустрая. Бывает, убегает куда не просят. А я ей говорила, что нельзя ходить играть к дяденьке в палату, ведь он злой и все время ругается.

– К какому дяденьке?

– Ну к тому, который не любит, когда с ним играют в мячик.

У меня прошли мурашки по коже. Сердце забилося чаще. Мне стало плохо и я сел на стул. Очевидно, что девочка говорила о пациенте №6. Но мой мозг не в состоянии собрать воедино этот сложный пазл: если собака настоящая, она никак не могла проникнуть в здание. Разве что через окно. Но на окнах решетки. Да о каком проникновении идет речь, когда палата находится на втором этаже. Боже мой, что и думать теперь.

Я старался успокоить себя и предполагал, как пациент №11 (Елена) мог узнать о пациенте №6, если они никогда не виделись? Уйма вопросов и ни одного ответа.

Неожиданно Елена ушла и на свет явился №11.

– Вы отгадали мою загадку?

– Да. Да, я отгадал твою... Вашу загадку. Это время?

– Правильно. Между прочим, арахис вовсе не орех, это бобовое растение.

– Что? Так Вы тогда слушали меня?

– Я всегда слушаю, но отвечаю только тогда, когда хочу.

Мы снова сели возле камина, и я включил диктофон, пы-

таясь вести беседу с пациентом и одновременно рассуждать о словах Елены.

– Кто вы? – спросил меня пациент.

– Я доктор Берндт Леман.

– Это имя, но кто вы?

– Я человек.

– Это биологический вид. Так кто вы? – не унимался он.

– Я – это я. Странные вопросы вы задаете.

– Этот ответ я не засчитываю. Будьте открыты. Ведь я открыт перед вами.

– Что ж. Я – мужчина. – N11 отрицательно покачал головой. – Объясните мне, прошу.

– Когда вы слушаете Вагнера или Баха, когда читаете поэму Шекспира или о героях и их приключениях, когда часами сидите за письменным столом, уткнувшись в записи, и непрерывно думаете над чем-то, когда любуетесь творчеством великих художников или просто сидите на берегу реки и слушаете пение птиц, когда ищете в людях их фобии и пытаетесь справиться с их недугами, Вас это вдохновляет? Вас это воодушевляет? Зажигает в вашей груди огонь?

– Несомненно.

– Это и есть вы – то, что вас вдохновляет и трогает до глубины души. Будь то сцена возмездия или справедливости принятого героем решения. Вы есть то, что чувствуете и ощущаете здесь (он положил руку на грудь), когда слушаете оперу или вытаскиваете из глубин своей памяти значимое

для вас событие, вспоминая его, вновь и вновь воспроизводя его в своей голове... Вы есть нескончаемый, неустанный поток энергии, пронизывающий полотно мироздания также, как и все вокруг вас: то, что вы называете живым или неживым, будь то камень или дерево, огонь или земля, взрослый мужчина или дитя... Все вокруг едино, все вокруг живет, так живите и вы.

– Впечатляет. Но ведь это всего лишь теория, хоть и весьма приятная на слух. Вы случаем раньше не преподавали? Больной больше не говорил.

Отчет 4

После обеда ко мне зашли полицейские и попросили пройти с ними в морг. По пути они спрашивали меня об убийстве, насколько хорошо я его знал. Также они спрашивали меня о профессоре, врачах и пациентах, на что я отвечал им так, как есть, за исключением того, что мне поведала Елена. Этого знать им не нужно, иначе в этой лечебнице одним пациентом будет больше.

Труп лежал на хирургическом столе. Патологоанатом только что закончил вскрытие и объявил результат – смерть от разрыва сердца. Также он указал нам на аномально большое сердце и сказал, что оно будто состоит из трех маленьких сердец, чего он раньше никогда не видел. Проклятые совпадения не дают мне покоя. Как и сказал N11 – кальмары

имеют три сердца. Но причем здесь пациент №6? «Здесь нет никакой мистики», – твердил я себе.

Полицейские попросили меня посмотреть на вещи убитого и сказать, знакома ли мне какая-нибудь из них?

Передо мной выложили предметы. Красный шар, уже знакомый мне; мягкий кусочек ткани, набитый ватой, используемый для снятия тревоги и стресса; носовой платок с вышитыми на нем инициалами «А.М.» и сверток ткани с пуговицами.

– Нет, ничего из этого я не узнаю, – сказал я.

– Вы, как психиатр, можете ответить нам, почему с одежды мертвеца сняты все пуговицы? Мы нашли их у него в кармане.

– Это действительно странно, – я не мог знать, почему и в каких целях пациент №6 оторвал все пуговицы со своей одежды и положил их себе в карман. Я посчитал, их 10. Тут мне пришла в голову, откровенно говоря, дикая мысль.

Распроставшись со служителями закона, я поспешил к себе в комнату и отыскал одежду, в которой впервые познакомился с №11. Сосчитав все пуговицы на ней, я понял, что означали цифры, которые называл всем №11. На моей одежде было пятнадцать пуговиц. Готов спорить, что у профессора их 14. Стоило проверить, но поскольку эта информация толком ничего не давала, как и многое другое из того, что связано с №11, я решил не тратить время впустую.

Заметка: все записи пяти сеансов, записанных на дикто-

фон, я помещаю отдельно.

Спустя неделю общения с N11, я многое узнал. Говорить о достоверности этих знаний сложно, поскольку они высказаны пациентом со сложным психическим расстройством. Все же, его рассуждения наводили меня на некоторые мысли. И да, он по-прежнему не проявлял никаких эмоций. Голые факты и изречения. Загадок он больше мне не задавал, хотя я настаивал на этом. Уж больно они интересные.

Пациент рассказал, что он здесь временно. Что конкретно он имел в виду, я не понял.

Последние два дня я беседовал с Говардом. Он был потерян и подавлен. На мой вопрос, что с ним произошло, он ответил, что скоро уйдет, и ему жаль покидать это место, ведь ему нравился камин и то, как горели поленья. Тогда я думал, что уход Говарда означал искоренение его как личности. Другими словами, одна из личностей покинет бедный разум владельца тела. Это можно считать прогрессом в нашей терапии.

– Ты знаком с Эндрю?

– Да, он иногда приходит.

– Расскажешь мне о нем?

– Он вспыльчив и говорит только о себе.

– Он тоже видит призраков?

– Что-то вроде того.

– Что он тебе рассказал о них?

– Он сказал, что эта комната принадлежит человеку знат-

ному, который умер не своей смертью. Он здесь, среди других призраков.

– А кто этот человек?

– Кажется, его зовут «Альбрехт Миллер» или как-то так.

Он здесь родился и вырос.

Я вдруг вспомнил инициалы на платке пациента №6. Хотя, сам больной мог иметь похожие инициалы. Нет-нет, платок был слишком красив и явно не вписывался в нынешние времена. Но ведь не мог же призрак обронить платок. Проклятье. Не стоило вообще лезть сюда.

– Про вас тоже говорили, – сказал мальчик.

– Обо мне? Кто говорил?

– Призраки. Они шептали вам свои имена, чтобы познакомиться.

Снова это чувство холода пронизывало меня до костей.

– Вот тебе на! Хорошая компания, – пытался отшутиться я. – Никогда не думал заводить друзей-призраков.

Все эти рассказы походили на бред. Я продолжал стоять на своем – «никакой мистики», только рациональное объяснение.

В очередной день я снова пришел к пациенту №11. Он был таким же, как и всегда. Сидел у камина и смотрел на угли.

Мы отлично побеседовали. Тогда я подумал: «я общаюсь с человеком, который никак не проявляет своих эмоций, и в то же время с ним так интересно говорить».

Когда я уходил, он взял меня под руку и спросил, не хочу

ли я еще одну загадку. Я одобрил предложение и включил диктофон, чтобы не забыть ее.

– Ощути вокруг движение, радость, счастье, вдохновение.

Ощути ты прелесть дней, как шумит листва берёз,

Запах свежести полей, туч гремящих слёз.

Ощути огонь в ночи, ощути его тепло,

Звёзд прекрасных серебро, как шумят грачи,

Ясный сокола полёт, как медведь рычит.

Посмотри на снег пушистый, как хрустит он под ногой,

Посмотри, как заяц мчится, ощути вокруг покой...

Посмотри на юг, на север, запад и восток,

Ты найдёшь его, где хочешь, и из этих строк.

После этого, он посмотрел мне в глаза, и я увидел на его лице легкую улыбку. Это была она, без сомнений. Это так вдохновило меня, что я помчался к себе комнату, чтобы сделать несколько заметок, отгадать загадку и вернуться с ответом. Когда я закончил, был уже вечер, но я с огромной решимостью и уверенностью в том, что пациент не спит, пошел к нему, чтобы поговорить о жизни.

В комнате никого не было, хотя дверь, как обычно, была закрыта снаружи. Ее закрываю я или медсестра перед уходом. В камине тлели угли, а в воздухе снова повеяло загадкой. Только загадку эту, кажется, никому не разгадать.

Я поднял тревогу, и мы всем персоналом прочесали лечебницу вдоль и поперек, но никаких следов пациента N11 не обнаружили.

– Черт вас побери, Леман, как же это случилось?

– Мне это неизвестно.

– Хоть что-то он вам сказал?

Я подумал и ответил:

– Он сказал слишком много и при этом ничего.

– Господь всемогущий, вы мне его только что напомнили.

Утром я собрал вещи. Здесь мне больше нечего было делать. В память о своем друге я пришел в его комнату и сел в его кресло, в котором он так много проводил времени. И только тогда я увидел выгравированные слова на камине, которых прежде не замечал. Это была латынь и всем известная фраза «Per aspera ad astra» (Через тернии к звездам). Будь я прежним Берндтом Леманом, то не задумался бы над тем, отчего эта фраза высечена на каменном камине, но теперь я иной продукт. И все-таки задумался над этим. Огня в камине не было, и я заметил отпечаток ноги в золе. И тогда я снова присмотрелся и обнаружил потайную дверь, идущую прямо через камин. Тогда я долго смеялся, от чего сам не знаю.

Но вот еще что. Меня отвезли на вокзал, и я уехал домой. Но спустя ровно год, судьба снова занесла меня в те края. И однажды, сидя в поезде, я смотрел в окно и думал о последней загадке, загаданной мне N11, как вдруг перед глазами, на платформе, почесывая свое серое ухо, сидел пудель с розовым бантом на голове.

Конец.